

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

«28 февраля. ...По радио передавали статью о процессе над Бухариным, Рыковым и др. Горький и Куйбышев оказались «жертвами их вредительско-диверсионных действий». Где же конец-то всему этому?!

В Ленинграде пробная тревога!..

Пришла на рабфак, и что же? Оказывается, занятий не будет. Собралось нас 12 человек и отправились в кино. Смотрели «Если завтра война» – по-моему, картина будущей войны дана слабовато, у меня, во всяком случае, представление было, как о чём-то более грандиозном, да думаю, что так и будет на самом деле. Война, мне кажется, разразится в очень недалёком будущем, и дай Бог, чтобы она имела такие же довольно безобидные формы и такой же исход, как во всех наших современных кинокартинах. 2 марта. ...Целых два урока химии читали вслух газету: обвинительное заключение по делу «Правого троцкистского-бухаринского центра». Оказывается, они убили медленной смертью умершего уже полтора года тому назад Горького – (туберкулёз у него с 18 лет) и даже его сына. Наверное, опять всех расстреляют.

Зачем я родилась в это время?!?!».

В эти же дни в моём дневнике промелькнула заметка о болезненном разговоре с рабфаковцем, спросившем, узнав, что мой отец инженер, – «не вредитель ли он?» И пояснившим, глядя на опешившую соученицу, – «теперь ведь на всех “старых” специалистах лежит подозрение». Каково?! Я не выдержала и всё ему рассказала – что мои родители, будучи совершенно невиновными, тем не менее, арестованы. Причём, как всегда в таких случаях, пришла в большое волнение, говорила со страстью и убеждающей силой. Добавлю, что не однажды кровоточащую рану задевали неосторожными, а то и просто недоверчивыми замечаниями даже и родственники.

«24 марта. Купила на вечер за 10 руб. билет в филармонию на концерт Софроницкого. Он играл Скрябина. На бис он исполнил мой любимый этюд. Но когда во 2-м отделении раздались первые аккорды 5-й симфонии Чайковского, я обо всём на свете забыла, кроме моих родителей. В каждом звуке я чувствовала дорогого отца. Ведь это его любимый композитор. Помню, ещё в Урале мы с ним до 2 часов ночи слушали именно её по радио из Москвы.»

Меж тем, к концу марта –

«...процесс (по радиопередачам), так тяжело действовавший на психику, что порой от бесконечных мыслей и от жажды всё понять и усвоить создавшуюся обстановку не могла спать, слава Богу, окончился. <...>

25 марта. На днях получила извещение из московской прокуратуры <...>. Напечатанное по трафарету извещение, что мне надлежит «обращаться в прокуратуру Ленинградской области» и с подписью: «Секретарь жалоб». Так что опять все мои надежды рассеяны в прах... С этих пор, помимо поездок на каникулы в Москву, начались хождения на Литейный (по адресу: Литейный проспект, д. 4, находилась Прокуратура Ленинградской области, так называемый «Большой дом») со стоянием в многочасовых очередях. <...>

27 марта. Сходила на Литейный. Там мне сказали, чтобы пришла туда 1 апреля в комнату № 49. Все эти дни буду жить надеждой.

1 апреля 1938 г. Вот и это число! Часов в 11 была там. Пришла в огромный зал, где находились человек 600 (я была 542-я). Все о чём-то говорили, шумели. Было душно и накурено. Подойдя к одной из женщин, узнала, что надо записаться и что тут живая очередь. Я немного удивилась: зачем мне нужна моя повестка, если можно было прийти так? Но записалась, думая попасть к какому-нибудь прокурору. Каково же было моё удивление, когда выяснилось, что вся эта громадная очередь стоит только за тем, чтобы подойти к окошечку и спросить у сидящей там женщины, здесь ли находится дело такого-то, и почти заведомо получить в ответ – «нет». Та же участь постигла и меня.

Совершенно разбитая, потеряв 3 часа времени, я пошла к Тамаре, чтобы ехать на рабфак (она живёт рядом). Предварительно, правда, зайдя ещё раз в комнату № 4, откуда меня в преды-

дущий раз посылали в 49-ю комнату и где мне ответили очень грубо и невежливо, что ничего не знают и что это их не касается.

Так и эта надежда рухнула. <...>

1 июня 1938 г. 12 ч. 30 м. ночи. За несколько месяцев (ровно полгода) исписана мной целая тетрадь, а перемен никаких. Сегодня получила от моего милого дедушки открытку – последние деньги, посланные мною 7 февраля из Москвы родителям, вернулись. Ещё одна надежда рухнула...».

Но молодость, по-видимому, привлекательность, а возможно, и что-то ещё брали своё:

«6 июня. Вот и выходной... Поехали с Тамарой в Михайловский сад. Очень хорошо провели время: помогла Тамаре (по математике), вполне пришла в норму и в сносном настроении вернулась домой. А через некоторое время позвонил Борис (Хахалин – аспирант дяди Миши), чему я была, конечно, рада, заехал за мной со своим товарищем. Поехали в Летний сад, затем в Парк культуры, оттуда на такси в кафе «Nord» (там оркестр исполнял поэму Фибиха). В общем, очень неплохо провели вечер. В первом часу была дома.»

По поводу Хахалина припомнился забавный эпизод: прихожу домой, встречает меня возмущённая тётя Соня: «Ну, и приятели у тебя! Звонит молодой человек – спрашиваю, как передать, кто звонил? А он отвечает – хахаль! Вот так воспитание!». Был, конечно, общий хохот.

«7 июня. Экзамен по алгебре, письменный, всё сделала.

12 июня. Завтра экзамен по литературе, всё откладываю занятия.

13 июня. Позвонил Борис, пошла с ним в Русский музей. Образованный и развитой мальчишка, вернее, мужчина. У каждой картины или статуи он мне читал лекцию. Видела картины многих художников, но самых знаменитых почему-то не было. Кажется, там произведены перемещения. Приехала к самому экзамену – сдала на «5».

18 июня. Сегодня целый день льёт дождь, занимаюсь. Завтра экзамен по всей математике. Сильно опасаясь за свою будущность в смысле поступления в институт, т.к. требуется подробнейшая автобиография.

24 июня. Продолжаю переживать – теперь так строго с поступлением в институт, что мне, очевидно, как «прокажённой», доступа туда не будет.

28 июня. Ура! Пришёл конец мученьям... Все экзамены за рабфак сданы.

29 июня. Поехали в ЛИИ (Ленинградский Индустриальный институт, бывший и будущий Политехнический) и подала заявление, написав в автобиографии всё как есть; что будет, то и будет!

1 июля. Сегодня памятная мучительная дата. Ровно год, как я в Ленинграде, а следовательно, год, как я не видела мамы, и почти полтора года, как не видела отца. Жутко подумать, что за этот год не произошло никаких перемен.

Рабфак я окончила с отметками: из 10 (экзаменов) – 9 «отлично» и один «хорошо». Приятно. Сейчас бы мой «путик» сказал: «Молодчина, девчонка! Обожаю свою дочку».

20 августа. С 1-го августа начались экзамены в институт. Параллельно держала в Технологический институт. По школьному и рабфакскому аттестатам. Вчера экзамены окончились: в Индустриальном у меня 3 «пятёрки», 2 «четвёрки» и, увы, одна «тройка», схваченная на самом последнем экзамене – по политграмоте. В Технологическом – 5 «пятёрок» и одна «четвёрка» (политграмота). Надеюсь, что в какой-нибудь институт да попаду, невзирая на своё положение».

Припоминаю, что из конфиденциальной беседы с ректором ЛИИ, на которую я решилась, вытекало: для поступления в этот институт с моими анкетными данными мне вменялось сдать вступительные экзамены не менее, чем на 4,2 балла, при этом претендуя только на один из наименее популярных факультетов.

Я сдавала на металлургический, где конкурс был в несколько раз ниже, чем на другие факультеты. Набрала 4,3 балла и была зачислена.

«Хотела ехать в Москву, но, оказывается, теперь каждый поступающий обязан «побеседовать» лично с директором, и у меня эта беседа состоит-

ся после 21-го, так что я, очевидно, не успею... Посещает горькое чувство, что не с кем теперь поделиться и горестями, и радостями. Сию сейчас совсем одна в огромной пустой квартире. Все разъехались на лето. Как и год назад, в памятный день 1 июля меня трепала эта проклятая малярия. Она как злобный спутник моих несчастий...».

А затем подошёл к завершению 1938 год, в хронологии которого, наряду с отправкой бесполезных заявлений и посещением значных мест, убивающими надежды и снижающими жизненный тонус, ещё пока встречаются пометки о вояжах то в Эрмитаж, то во дворцы Царского (Детского) Села, Петергофа и т.д. Или о глубоком прочтении, например, романа «Дело Маурициуса» (Вассерман Я. Дело Маурициуса. – М.: Всемирная библиотека, 1936.) Якоба Вассермана. Талантливо написанный, популярный в 30-е годы роман о душевном кризисе 16-летнего подростка, случайно столкнувшегося с клятвопреступлением, ставшим причиной судебного приговора невинного человека к пожизненному заключению. Покинув отчий дом и разыскав лжесвидетеля, юный правдоискатель добился освобождения невинно осуждённого, отсидевшего к этому времени 18 лет. Впечатление от романа, очевидно, обострилось при сопоставлении поведения героя с полным попустительством нашего общества беззаконным репрессиям. И вот уже:

«8 февраля 1939 года. Ленинград.

Очень, очень жаль, что я забросила свой дневник, но совершенно нет времени. С 1-го сентября 1938 г. начались мои занятия в Индустриальном институте <...> На встречу Нового [1939] года публика подобралась хорошая и интересная, был и Борис.

После Нового года сразу же началась сессия. О, это была настоящая «баня»! Сдала неважно. Дома у нас было заниматься невозможно, а потому я ходила к Зине (мамина старшая сестра, врач, живёт на Загородном проспекте).

С 21 января начались каникулы, а 23-го я была уже в Москве. Я твёрдо решила посвятить свои каникулы, как обычно, родителям и сделать хотя бы всё то, что делают многие (хоть и видела всю бесцельность этих поступков)... Итак, я начала обивать пороги и глотать каждый день то чашу унижения, то горечи. Насмотрелась я вдоволь на всё. Сначала я стояла в очереди на Кузнецком, 26, в 9-е окно, где мне выдали трафаретную анкету, которую я заполнила (относительно судьбы мамы), 27-го велели прийти за ответом.

Я, конечно, 27-го пришла, и мне сообщили, что маму выслали на 8 лет в «трудлагерь», но я этому не верю. Затем подала заявление в 10-е окно (в ГУЛАГ). Затем отправилась на Дмитровку в прокуратуру, где выстояла свидание с каким-то дежурным прокурором и всё же всучила ему заявление, на которое больше всего возлагаю надежд. Во всё время этих хождений я чувствовала только одно, что необходимо выкинуть что-нибудь сверхъестественное и из ряда вон выходящее, чтоб пробить эту неприступную холодную стену, о которую все колотятся лбами. Но у меня, как и у других, на это не хватало ни сил, ни смелости, ни выдумки – что именно надо сделать?! С этим же бессмысленным, послушным и угнетённым стадом они делают, что хотят, и я уверена, в душе над нами же и смеются. Ещё я была у прокурора по «спецделам», но этот меня просто не пожелал слушать, так что я еле-еле удержала на губах слово «сволочь».

Опустила в ящик заявление на имя Берии (наркома НКВД), и последним моим шагом было посещение, после 5 часов стояния в очереди, представителя НКВД в так называемой «приёмной» на Кузнецком, 26. На этот раз я говорила, как никогда, и, кажется, произвела впечатление, но я принуждена была убедиться, что лучше метать бисер перед свиньями. Если в первый день во всех этих присутственных местах я чувствовала себя профаном среди стреляных волков, которые там мыкались каждый день, то затем, заготовив дома штук 10 разных заявлений, я рассыпала их щедрой рукой, правда, с весьма слабой надеждой на результат. Во всяком случае, его ожидать можно от всех моих жалких поползновений только месяца через полтора».

(Продолжение в следующем номере).